БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛІСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
113578

„Заповѣдныя лѣта“ и „старина“.

Во 2-й книгѣ Чтеній Общества исторіи и древностей за 1902 годъ оконченъ печатаніемъ трудъ И. И. Побойнина—„Торопецкая старина. Историческіе очерки г. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка“. Въ приложеніи къ этому труду напечатана Торопецкая уставная грамота 7099 года. Въ самомъ концѣ этой грамоты стоитъ любопытное правило о порядкѣ вывоза на пустыя мѣста старыхъ тяглецовъ, напоминающее подобное же правило Важской уставной грамоты 1552 г. Привожу эти два параллельныхъ текста:

Важская грамота.

„А на пустые имъ мѣста дворовые, въ Шенкурьѣ и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того“.

Торопецкая грамота.

„І на пустые имъ мѣста старинныхъ своихъ тяглецовъ изъ-за князей і изъ-за детей боярскихъ, изъ-за монастырей и изъ волостей, которые у нихъ съ посаду разошлись, въ заповедные лѣта вывозить назадъ на старинные ихъ мѣста,—гдѣ хто жилъ напередъ того,—безоброчно и безпошлинно“.

Въ обѣихъ грамотахъ рѣчь идетъ о возвращеніи старыхъ тяглецовъ на прежнія мѣста жительства, но, по различію мѣстныхъ условій, на Вагѣ предоставлено выводить старыхъ тяглецовъ только изъ-за

монастырей, такъ какъ тамъ другихъ землевладѣльцевъ и не было, а въ Торопецъ можно было вывозить изъ-за всякихъ землевладѣльцевъ и изъ волостей. Различіе правилъ вывода или вывоза вышедшихъ старинныхъ тяглецовъ по этимъ двумъ памятникамъ сводится къ тому, что въ 1552 г. предоставлено возвращать вышедшихъ „безсрочно и безпошлинно", а въ 1590—1591 г. вывозить разрѣшено хотя также „безоброчно и безпошлинно", но лишь „въ заповѣдные лѣта", а не безсрочно. Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить, что по Важской грамотѣ можно было называть крестьянъ, т. е. новыхъ жильцовъ, на пустыя мѣста; Торопецкая же грамота обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ.

Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что существенною новостью Торопецкой грамоты являются „заповѣдныя лѣта". Но что же такое эти заповѣдныя лѣта? По прямому смыслу приведеннаго правила подъ ними надо разумѣть установленное, хотя въ грамотѣ и не указанное, число лѣтъ, въ теченіе которыхъ разрѣшалось вывозить вышедшихъ старинныхъ тяглецовъ на прежнія мѣста жительства. Совершенно ясный смыслъ правила не допускаетъ никакого другого толкованія. А этотъ смыслъ опредѣленно указываетъ, что еще до указа 24 ноября 1597 г. была установлена, хотя бы для отдѣльной мѣстности, давность для сыска и возвращенія разошедшихся старыхъ тяглецовъ.

До насъ сохранилось и еще одно извѣстіе о заповѣдныхъ лѣтахъ въ грамотѣ 1592 г. Двинскому земскому судейкѣ о сыскѣ бѣжавшихъ изъ вотчины Корельскаго монастыря крестьянъ. Въ грамотѣ, вслѣдъ за приказаніемъ произвести обыскъ и вывезти назадъ бѣглыхъ крестьянъ, если окажется, что они за монастыремъ жили и выбѣжали безъ отпуска, стоитъ общее предписаніе: „Да и впередъ бы есте изъ Никольскіе вотчины крестьянъ въ заповѣдные лѣта до нашего указу въ наши въ черные деревни не волозили, тѣмъ ихъ Никольскіе вотчины не пустошили". Здѣсь заповѣдныя лѣта также имѣютъ значеніе установленнаго срока, но этотъ срокъ имѣетъ иное примѣненіе: въ теченіе установленнаго числа лѣтъ запрещается вывозить монастырскихъ крестьянъ въ черныя волости, т. е. временно запрещенъ вывозъ чужихъ крестьянъ.

Эта грамота, вслѣдъ за ея изданіемъ, вызвала опытъ истолкованія ея, предложенный С. А. Адріановымъ [1]). Авторъ комментарія въ частности останавливается и на вопросѣ о томъ, какъ надлежитъ по-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1895 г., № 1, стр. 241—247.

нимать „заповѣдныя лѣта“ грамоты, и допускаетъ возможность троякаго истолкованія указаннаго мѣста: „1) Можно предположить, что былъ изданъ указъ, воспрещавшій всѣмъ крестьянамъ Московскаго государства переходить съ одной земли на другую въ теченіе извѣстнаго (можетъ быть, неопредѣленнаго) срока, впредь до государева указа... 2) Можно предположить, что монастырю дана была привилегія не выпускать своихъ крестьянъ. 3) Возможно, что тутъ подразумѣвается временное запрещеніе вывозить частновладѣльческихъ крестьянъ въ черныя волости“. Авторъ не рѣшился отдать предпочтеніе ни одной изъ высказанныхъ имъ догадокъ и оставилъ „любопытный вопросъ о заповѣдныхъ лѣтахъ открытымъ“.

Не имѣя въ виду останавливаться на разборѣ этихъ небезынтересныхъ догадокъ и предлагая читателю обратиться къ самому комментарію, позволю себѣ лишь замѣтить, что автору было необходимо сопоставить изучаемый текстъ съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ жалованной грамоты Никольскому Корельскому монастырю, сохранившейся и изданной по нѣсколькимъ разновременнымъ спискамъ первой четверти XVII вѣка. Вотъ это мѣсто по жалованной грамотѣ 1607 г.: „и что ихъ же монастырьскихъ крестьянъ въ наши черные деревни и сотни не пріимати, а которые крестьяне, изъ ихъ монастырскіе вотчины выбѣжавъ, живутъ въ черныхъ деревняхъ въ сотняхъ, а въ писцовыхъ въ княжъ Васильевыхъ книгахъ написаны Николы чюдотворца за Корелскимъ монастыремъ, и тѣхъ крестьянъ сыскивая отдавати назадъ Николы Корелскаго монастыря въ вотчину на старые деревни, гдѣ хто жилъ“ [2]). Не можетъ подлежать сомнѣнію связь этого мѣста съ изучаемымъ текстомъ грамоты 1592 г. и общимъ ея содержаніемъ. Въ началѣ жалованной грамоты 1607 г. прямо указано, что она составлена на основаніи прежнихъ жалованныхъ грамотъ царей Ивана Васильевича и Ѳедора Ивановича. Въ ней повторено и правило не принимать монастырскихъ крестьянъ въ черныя волости, и правило о возвращеніи всѣхъ выбѣжавшихъ, которые записаны въ книгахъ князя Звенигородскаго. Позднѣйшія жалованныя грамоты содержатъ ссылки, кромѣ грамотъ царей Ивана и Ѳедора, еще и на грамоту царя Василія Шуйскаго. Упомянутыя правила онѣ дословно повторяютъ. Но ни въ этихъ грамотахъ, ни въ грамотѣ 1607 г. нѣтъ

---

[2]) Р. И. Б., XIV, стр. 187; А. И., II, стр. 105. Дословно сходно это мѣсто и по грамотѣ 1621 г. и съ ничтожными варіантами повторено въ грамотѣ 1623 г. А И., III, стр. 134—135 и 191.

никакого упоминанія или хотя бы намека о заповѣдныхъ лѣтахъ. Значитъ, упоминать о нихъ и не было никакой нужды. Это наблюденіе во всякомъ случаѣ даетъ болѣе прочную почву для дальнѣйшихъ заключеній, чѣмъ тѣ параллели, какія подыскалъ авторъ комментарія для своихъ трехъ догадокъ.

Сопоставленіе правилъ о заповѣдныхъ лѣтахъ и различномъ ихъ примѣненіи по двумъ грамотамъ 1590—91 и 1592 г.г. приводитъ естественно къ предположенію, что въ это время установленъ былъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ мѣстностей, срокъ, въ теченіе котораго заинтересованнымъ было предоставлено принять мѣры къ возвращенію всѣхъ неправильно вышедшихъ и бѣглыхъ старыхъ тяглецовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было запрещено вывозить и принимать чужихъ крестьянъ и тяглыхъ людей. Не потому ли Торопецкая грамота не повторяетъ правила Важской грамоты о призывѣ на пустыя мѣста новыхъ поселенцевъ?

Но если установленъ срокъ, „заповѣданы лѣта“, то конечно существенно знать, каковъ этотъ срокъ. А между тѣмъ отвѣта на этотъ вопросъ и нельзя дать. Въ первой грамотѣ говорится о заповѣдныхъ лѣтахъ безъ всякаго указанія на ихъ число, а во второй срокъ установленъ впредь „до государева указа“, т. е. совершенно неопредѣленно. Удивительная срочная заповѣдь, въ которой самый срокъ и не обозначенъ,—скажутъ строгіе юристы. Можетъ быть, они по-своему будутъ правы. Но отрицать въ силу этого юридическое значеніе заповѣди было бы рискованно. Историкъ права во всякомъ случаѣ долженъ съ нею считаться.

Въ „Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія“ мнѣ пришлось коснуться вопроса о старожильствѣ. Мнѣ не все удалось выяснить въ этомъ любопытномъ бытовомъ явленіи. Такъ какъ я не могъ указать срока, по истеченіи котораго поселенецъ становился старожильцемъ, то я выразилъ сомнѣніе въ томъ, что въ рукахъ московскаго правительства былъ готовый критерій для разрѣшенія споровъ о старожильцахъ, и что вообще существовала указная норма для разрѣшенія такихъ споровъ. Эти наблюденія и догадки вызвали со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей совершенно отрицательное отношеніе.

Проф. В. И. Сергѣевичъ по этому поводу замѣтилъ: „Удивительный „обычный институтъ старожительства“; суть его никому неизвѣстна, даже московское правительство не имѣетъ подъ руками правилъ для рѣшенія споровъ о старожильцахъ. Что можемъ знать мы? Не будемъ спорить съ авторомъ (т. е. со мной) и признаемся, что и мы не

имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ „обычномъ институтѣ старожильства“ (Древности русскаго права, 458).

Что авторъ „Русскихъ юридическихъ древностей“ отрицательно отнесся къ поставленному вопросу объ институтѣ старожительства, это никого не могло удивить. Защитнику мнѣнія объ указномъ прикрѣпленіи крестьянъ остается одно изъ двухъ: или отказаться отъ своей точки зрѣнія, или оспаривать всѣ мнѣнія, несогласныя съ его собственнымъ взглядомъ. Число сторонниковъ г. Сергѣевича по данному вопросу все болѣе и болѣе рѣдѣетъ. Этимъ, можетъ быть, и надо объяснить особую горячность его полемики со всѣми, допускающими возможность иного рѣшенія „капитальнѣйшаго вопроса нашей исторіи о возникновеніи крѣпостной зависимости“.

Возраженія проф. Сергѣевича мнѣ не показались убѣдительными. Надѣюсь, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ въ моемъ распоряженіи окажется болѣе свободнаго времени для отвѣта моимъ критикамъ по нѣкоторымъ болѣе крупнымъ вопросамъ, затронутымъ въ моихъ „Очеркахъ“. Тогда представится случай отмѣтить, какія изъ многочисленныхъ возраженій проф. Сергѣевича я готовъ принять.

Совершенно иначе оцѣнилъ мнѣніе о старожильствѣ этого почтеннаго изслѣдователя Н. Н. Дебольскій въ своемъ изслѣдованіи—„Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка“. Онъ призналъ, что проф. Сергѣевичъ „весьма обстоятельно отмѣтилъ слабыя стороны этой теоріи (объ институтѣ старожильства) и указалъ ея полнѣйшую недоказанность“. Новый послѣдователь г. Сергѣевича занимаетъ, однако, въ данномъ вопросѣ совершенно иное положеніе. Онъ не сторонникъ мнѣнія объ указномъ прикрѣпленіи крестьянъ и не относится столь же отрицательно къ „обычному институту старожильства“, хотя и полагаетъ, что крѣпостное право въ силу старины возникнутъ не могло. Онъ именно думаетъ, что „говорить о старинѣ, значитъ утверждать, что при давности пріобрѣтательной право творится однимъ временемъ, безъ значенія титула. Въ настоящее время такой взглядъ совершенно оставленъ“ (163). Отсюда, кажется, можно сдѣлать заключеніе, что при наличности юридическихъ условій давность могла бы найти примѣненіе и къ договору аренды. Но въ моихъ „Очеркахъ“ точно указано, что „самъ по себѣ принципъ давности не могъ бы и найти примѣненія въ договорѣ аренды, если бы этому не содѣйствовали обстоятельства побочныя, въ родѣ, напр., хозяйственной зависимости, задолженности срочнаго арендатора собственнику земли“ (22). Было бы поэтому очень интересно узнать, могла ли задолжен-

ность арендатора явиться условіемъ соотвѣтственнымъ для примѣненія давности къ договору аренды. Но, къ сожалѣнію, г. Дебольскій обходитъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ.

Однако не можетъ подлежать сомнѣнію, что, по мнѣнію г. Дебольскаго, старожительство является юридическимъ институтомъ. Разбирая приведенныя мною данныя о прикрѣпленіи старожильцевъ, авторъ останавливается на извѣстной грамотѣ 1455—1462 г., которою запрещенъ выходъ монастырскимъ крестьянамъ-старожильцамъ (А. И. I. № 59). Спрашивается, почему запретъ поражаетъ только старожильцевъ? У г. Дебольскаго читаемъ: „Мы также уже говорили по поводу этой грамоты, не считая ея доказательствомъ въ пользу мнѣнія о значеніи старожильчества для идеи (?) прикрѣпленія крестьянъ, и здѣсь можемъ лишь сказать, что старожильчество потому упомянуто въ этой грамотѣ, что только относительно старожильцевъ можно говорить вполнѣ опредѣленно, какъ о легальныхъ арендаторахъ монастырской земли, недолжныхъ бывшимъ господамъ и неимѣющихъ противъ себя ихъ исковъ“ (166—167). Здѣсь указанъ цѣлый рядъ юридическихъ признаковъ старожильцевъ: 1) только они вполнѣ опредѣленно *легальные* арендаторы земли; 2) они не должники бывшихъ господъ (?), и къ нимъ не могутъ быть предъявлены иски со стороны послѣднихъ. Къ сожалѣнію, краткость формулировки возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Читатель въ правѣ спросить, почему у законнаго арендатора не могутъ быть старые долги какому то прежнему господину? За разрѣшеніемъ недоумѣнія естественно обратиться къ другому труду того же автора, къ которому онъ и отсылаетъ читателя. Но тамъ сказано: „ограниченіе перехода именно старожильцевъ, а не всѣхъ крестьянъ, вытекало въ данномъ случаѣ не изъ того воззрѣнія, что человѣкъ, долго жившій на чьей-нибудь землѣ, становился крѣпостнымъ, *хотя это воззрѣніе нарождалось и выразилось въ постановленіи Судебника 1497 г. о пожиломъ* (курсивъ мой). Но здѣсь такая исключительная мѣра требовала большой осмотрительности: только тѣхъ крестьянъ можно было не выпускать, не боясь протеста окрестныхъ землевладѣльцевъ, которые завѣдомо, искони вѣковъ, жили на монастырскихъ земляхъ“. Это мнѣніе существенно отличается отъ предшествующаго; согласно ему, старожильцы—исконные жильцы. Въ такомъ случаѣ непонятно, какіе еще могли быть господа, кромѣ монастыря, у крестьянъ, которые искони вѣковъ живутъ на монастырской землѣ? Читателю трудно распутаться въ этихъ мнѣніяхъ, а потому самъ авторъ долженъ ихъ разъяснить.

Въ приведенной цитатѣ любопытно, однако, отмѣтить подробность, что у автора раньше было, повидимому, совершенно иное мнѣніе о значеніи старины въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ: онъ утверждалъ, что въ половинѣ XV в. нарождалось воззрѣніе, что человѣкъ, долго жившій на чьей-нибудь землѣ, становился крѣпостнымъ, и выразилось въ постановленіи Судебника 1497 г. о пожиломъ. Послѣднее указаніе для меня непонятно, но основная мысль вполнѣ согласуется и съ моей точкой зрѣнія на значеніе старины. Эта мысль вовсе не случайная обмолвка; она повторяется и въ другомъ мѣстѣ той же статьи, гдѣ авторъ отмѣчаетъ высказанныя въ новой исторической литературѣ мнѣнія о различныхъ сторонахъ бытовой обстановки закрѣпощенія крестьянъ: „одни указываютъ на экономическое безотрадное положеніе крестьянъ, другіе—на связь и у насъ, какъ на западѣ Европы, идеи несвободнаго состоянія съ продолжительностью жительства на чужой землѣ". Но авторъ возражаетъ, что „это *вообще и не вызывало никогда сомнѣнія* (курсивъ мой) и указано, между прочимъ, приверженцами другого мнѣнія о прикрѣпленіи крестьянъ: В. И. Сергѣевичъ подробно выясняетъ фактическое тяжелое матеріальное положеніе крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, Б. Н. Чичеринъ проводитъ связь между идеею ограниченія правоспособности и старожилцами" [3]). Во всей этой любопытной выдержкѣ, къ сожалѣнію, не подтверждается только послѣдняя ссылка на Чичерина. Указавъ на средневѣковое правило—Luft macht eigen, Чичеринъ, наоборотъ, замѣчаетъ: „у насъ не было ничего подобнаго". А параллель дѣйствительно очень любопытна; она могла бы бросить нѣкоторый свѣтъ и на спорный вопросъ о значеніи старины жительства въ нашей исторіи. Но теперь г. Дебольскій стоитъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія: „пока крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ къ землѣ, до тѣхъ поръ, какъ бы онъ долго ни былъ арендаторомъ, онъ не могъ стать крѣпостнымъ, ибо старина подтвердила бы лишь существованіе договора аренды, и ничего болѣе" (164). Остается лишь пожалѣть о томъ, что авторъ, такъ рѣзко измѣнившій свою точку зрѣнія въ вопросѣ о старинѣ, оставилъ безъ всякаго разъясненія скрытые мотивы столь рѣзкой перемѣны.

Но что же было на западѣ Европы? Играла ли тамъ какую-нибудь роль давность поселенія на чужой землѣ въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія? Здѣсь не безполезно будетъ напомнить нѣкоторыя данныя для разъясненія этого вопроса.

[3]) *„Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ", стр. 27 и 39, СПБ. 1895.*

Самое раннее упоминаніе о прикрѣпленіи по давности относится къ концу V вѣка христіанской эры и содержится въ одной конституціи императора Анастасія, гдѣ сказано: „Одни изъ землевладѣльцевъ имперіи называются адскриптиціями, ихъ имущества принадлежатъ господину. Другіе же дѣлаются по истеченіи 30-тилѣтняго срока колонами, оставаясь лично свободными и сохраняя право распоряженія своимъ имуществомъ. Но и они также прикрѣпляются къ землѣ и обязуются платить оброкъ“ [4]). Итакъ, свободный человѣкъ, прожившій въ качествѣ земледѣльца (колона) на чужой землѣ 30 лѣтъ, прикрѣплялся къ этой землѣ. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ новымъ императорскимъ узаконеніемъ или съ занесеніемъ въ законъ обычной нормы, это пока не представляется важнымъ.

Въ средневѣковомъ феодальномъ правѣ снова встрѣчаемся съ закрѣпощеніемъ по давности, но только въ другой формѣ. Воспользуемся для Франціи указаніемъ А. Эсмена; онъ говоритъ: „Вторымъ способомъ закрѣпощенія была давность (prescription), могущество которой въ феодальномъ обществѣ было почти безграничнымъ. Всякій становился крѣпостнымъ въ силу лишь того факта, что въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, опредѣленнаго обычаемъ, несъ налоги и повинности и подвергался всѣмъ послѣдствіямъ крѣпостнаго состоянія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта давность была очень краткой: для ея примѣненія достаточно было прожить годъ со днемъ среди крѣпостныхъ данной сеньоріи“. Въ другихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, дѣйствовала давность въ 30 лѣтъ, наслѣдованная, очевидно, изъ римскаго права [5]). Въ германскомъ правѣ получила широкое примѣненіе краткая давность—Jahr und Tag. На этой почвѣ и создалась, конечно, обычная поговорка: „die Luft macht eigen“. Это значитъ, что проживаніе на господской землѣ въ теченіе года со днемъ дѣлало человѣка крѣпостнымъ. Позднѣе, уже въ подражаніе этой поговоркѣ, возникло другое обычное правило: „Luft macht frei“, въ силу котораго

---

[4]) *Fustel de Koulanges,* Le colonat romain. Recherches sur quelques problemes d' histoire, p. 94; *Ив. Гревсъ,* Новое изслѣдованіе о колонатѣ, Ж. М. Н. Пр. 1886, № 12, стр. 333 и слѣд.; *Karlowa,* Römische Rechtsgeschichte, I, 922.

[5]) *A. Esmein,* Cours élémentaire d'histoire du droit français, 236; *Paul Viollet,* Précis de l'histoire du droit français, 273—274. Нѣкоторые писатели въ числѣ источниковъ крѣпостной зависимости указываютъ вмѣсто давности мѣстожительство лица, хотя это одно и то же въ данномъ случаѣ; *Achille Luchaire,* Manuel des institutions françaises, 295: „b. *Le domicile.* La coexistance d'un servage territorial à côté du servage personnel est un legs de l'époque carolingienne. Il y a des terres serviles, des lieux de mainmorte où il suffit de séjourner pendant un an et un jour pour devenir serf“.

крѣпостной, прожившій на вольной (городской) землѣ указанный срокъ, становился вольнымъ [6]). Наконецъ, для Англіи П. Г. Виноградовъ приводитъ указаніе глоссатора начала XIV в. къ Брактону о томъ, что „свободный человѣкъ, находящійся въ положеніи виллана, не теряетъ своихъ правъ, если только не будетъ доказано, что его предки уже въ теченіе трехъ поколѣній занимали такое положеніе“ [7]).

Изъ приведенной справки явствуетъ, что закрѣпощеніе по давности имѣло въ древнемъ и средневѣковомъ западно-европейскомъ правѣ широкое распространеніе. Самый срокъ этой давности колеблется въ обширныхъ предѣлахъ отъ одного года до полустолѣтія и столѣтія (третье и пятое поколѣнія) и фиксируется закономъ или обычаемъ. Рѣшеніе же вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ возникъ этотъ видъ закрѣпощенія въ западномъ правѣ, надо искать въ исторіи крѣпостнаго права, въ частности въ исторіи колоната.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробности этого вопроса; позволю себѣ только отмѣтить взгляды на вліяніе задолженности въ исторіи закрѣпощенія колоновъ въ новѣйшей литературѣ.

По исторіи колоната самымъ крупнымъ литературнымъ явленіемъ послѣдняго времени является, безспорно, трудъ Фюстель-де-Куланжа—„Le colonat romain“, 1885 г. Важное значеніе этого сочиненія признаютъ и нѣмцы. „Фюстель-де-Куланжъ впервые представилъ исторію колоната. Его книга составляетъ эпоху. Все, что написано до него, отходитъ въ область исторіи научныхъ изслѣдованій колоната“. Таково мнѣніе Адольфа Шультена [8]). Возраженія, предъявленныя Фюстель-де-Куланжу, касаются тѣхъ или иныхъ частностей. Но какъ общіе его выводы, такъ и методологическіе пріемы этой работы не вызываютъ возраженій. А исторію колоната онъ начинаетъ именно съ задолженности свободныхъ арендаторовъ. На основаніи свидѣтельствъ Плинія, Варрона, Колумеллы и др., рисуются картины затрудненій землевла-

---

[6]) *Karl v. Amira,* Grundriss des germanischen Rechts, 2-te Aufl., 89; *H. Brunner* Deutsche Rechtsgeschichte, 2-er Band, 276, 280—281; *R. Schröder,* Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 2-te Aufl., 443 u. 446.

[7]) „Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“, 40; „Villainage in England“, 63: villainage by prescription; здѣсь сказано: „it (gloss) maintains that free stock doing villain service lapses into villainage in the fifth generation only“.

[8]) *A. Schulten,* Der römische Kolonat. Historische Zeitschrift, B. 78, 1897, S. 3; *E. Beaudouin,* Les grands domaines dans l'empire romain, 1899, p. 78: „Schulten pense (et je suis pleinement de son avis) que, sur ce probléme tant discuté, c'est le memoire de M. Fustel de Coulanges qui a fait le mieux la lumière“. Ср. указанную статью И. М. Гревса въ Ж. М. Н. Пр. 1886, №№ 11 и 12.

дѣльцевъ вслѣдствіе увеличивающихся недоимокъ за арендаторами, которые перестали и заботиться о погашеніи долговъ и небрежно ведутъ хозяйство, утративъ всякій интересъ къ сбереженіямъ. Земли обработываются или рабами, или задолжавшими свободными арендаторами. На основаніи этихъ данныхъ, Фюстель-де-Куланжъ заключаетъ: „Мы касаемся здѣсь, если я не ошибаюсь, одного изъ источниковъ колоната. У насъ передъ глазами люди, свободные арендаторы по срочнымъ контрактамъ съ точки зрѣнія права, которые на дѣлѣ не могутъ покинуть помѣстье собственника. Первоначальный ихъ контрактъ не препятствуетъ этому, но недоимки являются къ тому помѣхой. Они еще не прикрѣплены къ землѣ въ силу закона, но привязаны къ ней долгами. Земля ихъ удерживаетъ еще не въ силу званія колоновъ, но какъ должниковъ“ (18).

Нѣсколько дальше авторъ продолжаетъ: „Кромѣ того, весьма вѣроятно, что эти должники („endettés“) вовсе не получали отъ землевладѣльца взаймы денегъ. Онъ имъ предоставилъ свою землю, и они не въ состояніи были платить за нее арендной платы. Также можетъ быть, что онъ ихъ ссудилъ, наложивъ арестъ на ихъ залоги, другими движимостями, скотомъ, орудіями. Возможно, наконецъ, что они пришли на его землю безъ всякихъ средствъ, и онъ ссудилъ ихъ хлѣбомъ, скотомъ и инструментами. Во всякомъ случаѣ они не могли всего этого вернуть; они его должники и останутся ими навсегда“ (19).

Таково было положеніе дѣлъ въ самомъ началѣ имперіи и даже раньше и не только въ одной Италіи, но въ Иллиріи, Азіи, Египтѣ. Свободная аренда и колонатъ существовали смежно, хотя и рѣзко различались. Первая легко и повседневно переходила во второй.

Второю ступенью въ исторіи колоната является бытъ земледѣльцевъ въ африканскихъ императорскихъ имѣніяхъ. По надписи II вѣка изъ имѣнія „saltus Burunitanus“ Фюстель-де-Куланжъ рисуетъ ихъ положеніе. Это уже не срочные арендаторы, а постоянные земледѣльцы, уплачивающіе натуральные сборы и отбывающіе барщину. Ихъ положеніе очень тяжелое, и они жалуются на притѣсненія. Почему же они не уходятъ съ земли? „Я не знаю закона,—говоритъ Фюстель-де-Куланжъ,—который бы запрещалъ имъ выходъ; но вѣрно то, что они остались. Они даже не выражаютъ намѣренія уйти; наоборотъ, изъ нѣсколькихъ мѣстъ письма ихъ къ императору явствуетъ, что они останутся, что бы ни случилось..... Фактически, если не по праву, они вѣчные земледѣльцы..... Такъ человѣкъ мало-по-малу укореняется на землѣ прежде, чѣмъ законъ его къ ней привяжетъ. Онъ становится добровольнымъ колономъ прежде, чѣмъ колономъ по принужденію.

Обычай и интересъ кладутъ начало тому, что завершитъ законъ" (41—42).

Этихъ выдержекъ совершенно достаточно для ближайшей цѣли настоящей замѣтки. Онѣ характеризуютъ въ общемъ положеніе дѣлъ и методологическіе пріемы изслѣдователя. Слѣдуетъ лишь добавить, что какъ выводы, такъ и пріемы изученія усвоены цѣлымъ рядомъ историковъ конца XIX вѣка: Эсменомъ, Шультеномъ, Бодуэномъ, Кюкомъ [9]). Всѣ они лишь исправляютъ эти выводы въ частностяхъ и дополняютъ новыми данными.

Итакъ въ западномъ средневѣковомъ правѣ и давность, и задолженность играютъ замѣтную роль въ исторіи прикрѣпленія сельскаго населенія. Въ литературѣ соотношеніе между этими явленіями не вполнѣ установлено. По крайней мѣрѣ въ числѣ условій для примѣненія давности къ договору аренды наряду съ задолженностью указываются и другіе моменты, какъ привычка къ мѣсту поселенія, злоупотребленія землевладѣльцевъ и ихъ уполномоченныхъ и т. п. Но исторія крѣпостнаго права тамъ, какъ и у насъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ еще не выяснена.

Но можно ли говорить о старинѣ и задолженности въ исторіи крѣпостнаго права у насъ? Дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи одной аналогіи съ исторіей Запада было бы по

[9]) A. *Esmein*, Cours d'histoire du droit français, 24: „le paysan qui vivait là (sur les grands domaines des particuliers), isolé des cités, était, en fait, attaché au sol de pére en fils, par l'impossibilité presque compléte où il se trouvait de changer de profession ou de résidance. Ce fait, la coutume le transforma en droit. On a aussi relevé une cause, qui dût contribuer à transformer en colons nombre de petits fermiers ou métayers; c'est la dette arriérée des fermages et l'insolvabilité croissante qui les retenait à la discrétion du propriétaire". A. *Schulten*, назв. соч., 6—13. *E. Beaudouin*, назв. соч. 78—84 и 91; онъ такъ формулируетъ всю исторію колоната: „Visiblement le fermage perpétuel est considéré de trés bonne heure comme un idéal, et bientôt comme une nécessité économique. La pratique de plus en plus attache le cultivateur au sol. Cette nécessité économique s'est transformée, au IV siécle, en une nécessité légale; cette pratique est devenue la loi. Voila toute l'histoire du colonat". Онъ дополняетъ данныя изъ недавно найденной надписи „Henchir Mettich": „En droit, sans doute, les colons sont libre de quitter cette terre, mais, dans la réalité, toutes sortes de circonstances les y retiendront: l'habitude de vivre là, l'attachement naturel du cultivateur à la terre, la pauvreté, la difficulté de gagner leur vie ailleurs, au besoin, j'en suis convaincu, la contrainte administrative ou celle du propriétaire lui-même". По поводу той же надписи *Cuq* замѣчаетъ: „En droit, les colons sont libres d'abandonner la culture; en fait, ils n'usent guère de cette faculté. Les propriétaires, les fermiers changent, les colons restent; ils sont en conséquence immobilisés sur le fonds. A la longue, l'etat de fait se transforma en un état de droit" (Цитир. по Beaudouin, l. c., p. 143).

меньшей мѣрѣ поспѣшно. Но указанная параллель явленій должна предостеречь и отъ поспѣшнаго отрицательнаго отвѣта. Допустимъ, что по имѣющимся даннымъ указанныя явленія въ нашей исторіи представляются не столь опредѣленными и ясными, какъ въ исторіи западной. Если и всѣ дальнѣйшія попытки къ выясненію ихъ не приведутъ ни къ какимъ болѣе опредѣленнымъ результатамъ, то и тогда сравненіе изучаемыхъ явленій допустимо съ точки зрѣнія научной методологіи. „Примѣненіе сравнительной методы предполагаетъ, что сравниваемыя явленія уже выяснены въ своихъ признакахъ. Сравненіе, слѣдовательно, не есть способъ обработки даннаго положительнаго права. Всякое положительное право можетъ быть обрабатываемо только на основаніи его собственныхъ источниковъ. Чего не даютъ эти источники, то не можетъ быть пополнено сравненіемъ. Сравнительная метода не въ силахъ прибавить къ системѣ даннаго историческаго права ни одного новаго историческаго факта. Она можетъ только пролить новый свѣтъ на существующіе и навести на объясненіе неяснаго, несовершенно досказаннаго въ источникахъ свидѣтельства“ [10]). Значитъ, и то неясное и несовершенно досказанное, что содержится въ нашихъ источникахъ о старожильствѣ, даетъ право говорить о ней.

Но этотъ методологическій выводъ не предрѣшаетъ, конечно, вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть приняты или подтвердятся высказанныя догадки о значеніи и происхожденіи старины жительства въ исторіи возникновенія крѣпостнаго права. Будемъ надѣяться, что новыя данныя прежде всего разсѣютъ многія сомнѣнія.

Кое-что позволяютъ прибавить къ вопросу о старинѣ и приведенныя выше грамоты 1590—91 и 1592 г.г. На основаніи ихъ прежде всего необходимо сдѣлать оговорку, что указанная норма далеко не всегда въ московскомъ правѣ можетъ разъяснить неясное въ практикѣ. Правила о „заповѣдныхъ лѣтахъ“ служатъ тому наглядным подтвержденіемъ. Невозможность опредѣлить по нимъ число заповѣданныхъ лѣтъ не отнимаетъ юридической силы у этихъ правилъ. Институтъ давности могъ существовать и примѣняться и безъ опредѣленія въ указахъ срока этой давности. Недосказанное въ указѣ могло пополняться практикой, а она могла быть въ разныхъ мѣстностяхъ различною.

Уставная Торопецкая грамота даетъ и прямое дополненіе къ отмѣченнымъ уже чертамъ института старожильцевъ. По ней установляется давность для вывоза разошедшихся старыхъ тяглецовъ. Такое

---

[10]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Государство и право въ исторіи“. Сборн. госуд. знаній т. VII, стр. 49.

правило въ значительной мѣрѣ могло облегчить разрѣшеніе споровъ о старожильцахъ. Въ „Очеркахъ“ я старался установить, что одно и то же лицо могло оказаться старожильцемъ двухъ и болѣе имѣній и волостей. Выводить и вывозить обратно старыхъ жильцовъ по праву старины было тѣмъ труднѣе, чѣмъ дольше подобныя требованія не предъявлялись, такъ какъ тѣмъ прочнѣе возникла для нихъ старина на новыхъ мѣстахъ поселенія. Съ установленіемъ же заповѣдныхъ лѣтъ для возвращенія ушедшихъ старыхъ тяглецовъ, тѣ изъ послѣднихъ, которые прожили заповѣдные годы въ другомъ мѣстѣ, не подлежали уже возврату на прежнія мѣста жительства. Такое толкованіе правила Торопецкой грамоты заставляетъ предполагать, что и самое установленіе заповѣдныхъ лѣтъ вызвано было скопленіемъ по мѣстамъ жалобъ и споровъ между землевладѣльцами и тяглыми общинами изъза вышедшихъ и выбѣжавшихъ старыхъ тяглецовъ и крестьянъ. Срочность же и притомъ неопредѣленная заповѣди объясняется тѣмъ, что какъ разъ въ это время предпринята была опись многихъ уѣздовъ, но результаты ея еще не были приведены въ извѣстность и могли стать извѣстными лишь постепенно.

Кромѣ главной загадки о заповѣдныхъ лѣтахъ, Торопецкая и Двинская грамоты задаютъ изслѣдователямъ и другіе вопросы. Между прочимъ въ нихъ содержатся косвенныя и прямыя данныя для рѣшенія спорной темы о томъ, до какихъ поръ продолжалъ сохранять свою силу законъ о Юрьевѣ днѣ. Какъ ни смотрѣть на эти грамоты, —какъ на мѣстные ли, или частные законы, или же какъ на выраженіе общей политики правительства,—значеніе ихъ въ данномъ вопросѣ лишь видоизмѣняется съ точки зрѣнія методологической. Ни сторонники указнаго прикрѣпленія крестьянъ, ни ихъ противники въ данномъ вопросѣ не могутъ обойти этихъ указовъ, такъ какъ въ нихъ упоминается о вывозѣ тяглецовъ безоброчно и безпошлинно и объ отказѣ (отпускѣ) крестьянъ съ уплатою пошлинъ.

Н. Н. Дебольскій въ своемъ послѣднемъ трудѣ, желая опредѣлить послѣдній несомнѣнный моментъ, когда дѣйствовало еще правило Судебника, считаетъ таковымъ 1589 г., такъ какъ обозначенный этою датой проектъ Судебника Ѳедора Ивановича еще упоминаетъ о Юрьевѣ днѣ. Онъ утверждаетъ, что прикрѣпленіе произошло между 1589 и 1597 годами. Принять первую дату рискованно уже потому, что самый памятникъ, изъ котораго она почерпнута, представляется въ этомъ смыслѣ ненадежнымъ [11]). Г. Дебольскій считаетъ возможнымъ сокра-

[11]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* Судебникъ 1589 года. Его значеніе и источники, 1902 года.

тить указанный имъ промежутокъ ссылкой на первое извѣстное и имъ указанное судебное дѣло о „бѣглыхъ“ крестьянахъ, записанное въ переписную книгу Новгородскаго Суднаго приказа 1595 г. Онъ никакъ не хочетъ признать, что были бѣглые крестьяне и раньше указанной имъ даты: „Случая примѣненія къ крестьянамъ, ушедшимъ не въ срокъ и безъ отказа, прилагательнаго „бѣглый“ до послѣдняго 10-лѣтія XVI вѣка никто не могъ привести до сихъ поръ, несмотря на поиски въ архивахъ“ (149). Въ моихъ „Очеркахъ“ приведены были выраженія памятниковъ болѣе раннихъ о крестьянахъ, что они или онъ „бѣгутъ розно“, „выбѣжалъ вонъ безъ отказа“, „поразбѣглись“, „сбѣжали безвѣстно“ и пр. Но авторъ „Гражданской дѣеспособности“ возражаетъ, „что слово „выбѣжать“ еще не есть прилагательное „бѣглый“.... Холопъ выбѣжалъ изъ полона, но онъ не бѣглый и дается свободнымъ.... „Бѣглыми“ до сего времени были лишь холопы и уголовные преступники“. Автору кажется, что вопросъ о правѣ крестьянъ уходить безъ отказа, подъ отвѣтственностію лишь имущественною за убытки, а не личною, сопряженною съ возвратомъ, „уже очень подробно разработанъ въ литературѣ и для всякаго непредубѣжденнаго читателя не даетъ основаній къ иному выводу, чѣмъ сдѣланный проф. В. И. Сергѣевичемъ“ (148—150). Здѣсь г. Дебольскій впадаетъ въ большое недоразумѣніе: онъ ссылается на Юрид. Др. I, р. 220 и слѣд. (изд. 2-е), гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что „долгъ имѣлъ слѣдствіемъ искъ объ уплатѣ подмоги или ссуды, а не искъ о возвращеніи ушедшаго крестьянина“. О послѣдствіяхъ же ухода безъ отказа рѣчь идетъ на стр. 247—251 упомянутаго изданія и въ смыслѣ совершенно обратномъ указаніямъ г. Дебольскаго. Достаточно привести слѣдующую цитату: „Въ половинѣ XVI вѣка бѣглыми называются крестьяне, которые ушли безъ отказа, не въ срокъ и не уплатя пошлинъ“ (250). Проф. Сергѣевичъ отказался отъ мнѣнія, защищаемаго имъ въ 1-мъ изд. перваго тома Юрид. Др. (243), и призналъ бѣглыхъ крестьянъ съ половины XVI вѣка. Едва ли не тщетно старается отстоять свое мнѣніе и г. Дебольскій и тѣмъ болѣе, что теперь и безъ поисковъ въ архивахъ онъ можетъ найти прилагательное „бѣглый“ относительно крестьянъ въ памятникахъ, относящихся къ 80-мъ годамъ XVI вѣка. Обращаю его вниманіе на документъ, отпечатанный въ Актахъ Юшкова подъ № 225: дата документа 1586 г.; содержаніе—предписаніе о сыскѣ бѣглаго крестьянина.

Для рѣшенія поставленнаго вопроса Н. Н. Дебольскій привлекаетъ и грамоту 1592 г., но не придаетъ ей значенія. Онъ говоритъ, что, во-1-хъ, грамота относится къ такому времени, „когда уже, пови-

димому, Московское правительство черезъ посредство своихъ судебныхъ и административныхъ органовъ стало проводить точку зрѣнія о томъ, что крестьяне, записанные въ писцовыя книги, прикрѣплены къ землѣ, не имѣли права выхода, и ихъ можно было возвращать назадъ, какъ бѣглыхъ, хотя это еще не опредѣлено въ законѣ (потому-то Корельскій монастырь и ссылается еще на уходъ безъ отказа), а, во-2-хъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ лишь мотивировку иска стороною, что̀, конечно, не можетъ служить большимъ доказательствомъ" (168—169). Авторъ, съ одной стороны, самъ поясняетъ, почему Корельскій монастырь могъ или имѣлъ право сослаться на уходъ безъ отказа, съ другой же—не считаетъ этой ссылки большимъ (?) доказательствомъ. По моему мнѣнію, что-нибудь одно: монастырь или могъ сослаться на уходъ безъ отказа, или не могъ. Допустивъ первое предположеніе, необходимо допустить, что отказъ существовалъ. Но могъ ли монастырь сослаться на уходъ безъ отказа? Авторъ ошибается, говоря, что указаніе на отказъ содержится только въ челобитьи монастырскихъ властей. Въ отвѣтъ на челобитье послѣдовало предписаніе „сыскати всякими сыски накрѣпко, тѣ крестьяне напередъ того за Корельскимъ монастыремъ живали ли и въ нынѣшнемъ 100 году безъ *отпуску* выбѣжали ли". Что же такое здѣсь „отпускъ"? При сопоставленіи этого офиціальнаго термина съ ссылкой челобитчиковъ на уходъ безъ отказа не можетъ, кажется, возникнуть сомнѣній въ томъ, что „отпускъ" здѣсь обозначаетъ принятіе отказа. Надо думать, что отказъ существуетъ и въ 1592 году.

М. Дьяконовъ.